

Александр Морозов

Журналист, политолог. Главный редактор «Русского журнала».

Недавно я жил два месяца в Чехии и читал книгу о крушении Австро-Венгерской империи. И так все наложилось одно на другое — рассказ о конце Габсбургов, разговоры о сегодняшней чешской политике, наблюдения за жизнью чехов, что вдруг как-то мне стало отчетливо ясно: у нас, у русских, НЕТ ДОМА. После крушения империй в XX веке все народы получили свои дома — и те, у кого не было государственности 400 лет, и те, у кого вообще ее не было никогда. Дом может быть плохой, бедный, неустроенный. В нем может быть сейчас плохая власть. Или какой-нибудь «культурный кризис». Дом может сильно трепать в ветрах глобализации. Но — он есть. И «остальное приложится». Когда в XX веке стали рушиться империи, оказалось, что у каждого народа есть свой «дом». А к нему можно пристроить и государство, и территорию. А можно даже иметь «квазигосударство» — как татары или чеченцы внутри РФ, но все равно иметь свой «дом». У Толстого была хорошая фраза: «Счастлив, кто у себя дома». А русские — бездомны. Хотя у русских есть и государственность, и религия, и Конституция, и Кремль, и «интересы», и земля русских тянется отсюда и в бесконечность, — но русских в некотором смысле нет. Поскольку у нас нет дома.

Отсюда многочисленные фантомные боли. Их следы видны во всем. Обычный русский горожанин, попадая в Европу, непременно пишет в сетях о том, как благоустроен ландшафт и «почему же у нас везде сплошные гнилые заборы и все некошено». Одни мечтают вписать в Конституцию 20-буквенное слово «государствообразующий» (народ), думая (наивно), что это приблизит появление дома. Другие хотят отделить «Кавказ». Третьи винят во всем иммиграционную политику Кремля. Четвертые — из числа культурных эмигрантов — стремятся обосновать «бездомность» и говорят, что есть только «небесная Россия», т.е. некий «культурный образ», несвязанный ни с территорией, ни с государством. Пятые, кто побогаче, просто живут и работают в РФ «вахтовым методом»: поскольку у русских и не может быть дома, то личный дом надо размещать во Франции, Испании или Австрии.

В Европе много народов, которые по итогам последнего десятилетия живут даже беднее, чем мы. Но такой жестокой фрустрации, связанной с бездомностью, пожалуй, ни у кого нет. Идею дома мы вытесняем в любую сторону: одни — в СССР, как

воображаемый «утраченный дом», другие — наоборот — в мечту о том, чтобы Россия «дораспалась» и тогда кому-то домом станет «Ингерманландская республика». Снизу — из глубины жизни — в отношении властей поднимается суровое слово «оккупация». На окраинах больших городов мальчишки тренируются, бегают, осваивают навыки боя. Меж собой они говорят: «оккупационная власть». Хотя это лишь метафора, эвфемизм, но именно это слово объясняет им их бездомность. А сверху, из Кембриджа, замечательный историк культуры Александр Эткинд пишет книгу, которая быстро становится хитом, — «Внутренняя колонизация». В ее основе странная мысль о том, что русские ведут «самоколонизацию». То есть они не живут «у себя дома», а обращаются сами с собой, как с туземцами, применяя к себе самим техники колонизации. Популярный русский журналист Павел Пряников любит описывать всякие экзотические прецеденты самоорганизации русских в Дом. В частности, его интересует коллаборационизм, и он приводит радикальные примеры: русские настолько бездомны, что большие массы в 1941 году смотрели на чуждых себе немцев с надеждой: а вдруг хотя бы «под ними» можно будет зажить уже наконец Домом?! Отсюда и история Локотской республики.

Есть распространенные объяснения этой бездомности. Необъятность пространства. Русские из четырех регионов, где они плотно жили в XVII веке, за 250 лет в Российской империи расселились и как бы «размазались» по пространству. Якобы они бежали от властей все дальше и дальше. И в результате даже образовали русские субэтносы. И вот что удивительно: хотя «плавильный котел» СССР работал как бы в пользу русских и многие народы жаловались на русификацию, а после крушения СССР вообще проклинали «русский империализм», у самих русских всю вторую половину советского периода существовало влиятельное движение «почвенников», которые тосковали по «Русской республике».

Когда «Русская республика», чаемая Валентином Распутиным и его коллегами, наконец, состоялась усилиями Бориса Ельцина и его соратников, она почему-то оказалась не «Русской республикой», а уменьшенной копией СССР. Территория сократилась на четверть. Но это не изменило «необъятности», необжитости и неухоженности. При империи была своя миграция русских, при СССР — своя. А при постсоветском капитализме русские 25 лет стягиваются отовсюду в крупные города. Эти большие города, действительно, становятся Домами для новых поколений. Но это уже «Дома неизвестно кого». Точнее говоря, это мегаполисы какого-то нового постсоветского — евразийского (?) — народа. И в этих мегаполисах даже просвещенному русскому, с пониманием и любовью относящемуся к культурному разнообразию, совершенно неуютно. Неуютно «по-новому». Русский москвич теперь пытается искать себе утешение где-то под Ярославлем на рыбалке. Из этой «рыбалки» он и пытается сконструировать себе метафизический отсутствующий Дом. Но там теперь к советскому запустению прибавилось только одно — многочисленные народы, которые бурно заселяются на заброшенные русские пустоши. Трудясь, они регулярно отправляют деньги домой.

Поскольку у них есть Дом. Собственно, сам факт этой транзакции и доказывает, что у них есть дом. Причем, что важно, не имеет значения, какая там у них «государственность», какой у них крепости «культурная идентичность», насколько ужасен правящий режим в их государствах, — очевидно, что у них есть Дом, а у нас — нет. Поскольку русские совершают иную транзакцию: они отправляют заработанные деньги на Кипр и отселяют туда своих родителей.

Через 25 лет после наступления новой эпохи молодые русские с увлечением читают 27-летнего публициста Егора Просвирнина, который уповает на то, что у русских должна сформироваться «гражданская нация» (как у других народов ранее), а вслед за тем появится и Дом. Но, по-моему, тут «когнитивный диссонанс». Молодые образованные горожане из числа успешных менеджеров и чиновников, с увлечением читающие «Спутник-и-Погром», в реальности (данной им в ощущениях) оказываются вовсе не «русской гражданской нацией», а какой-то новой «путинской евразийской нацией». На мой взгляд, у большой группы молодых литераторов-«неонародников» (Прилепин, Кашин, Ольшанский и др.) весь пафос ныне уже запоздавших проклятий в адрес 90-х, в адрес безымянных «неолибералов» — той же природы. Патетические статьи «Почему я не либерал» — это лишь фрустрация бездомности. Объяснить отсутствие Дома очень трудно. И сознание топчется, пытаюсь найти ответственных за это. Я хорошо помню, как во второй половине 80-х пытались найти объяснение: тогда одни авторы (например, Галковский) возлагали всю вину на коммунистов, конструируя (как это сегодня делает, например, Ольшанский) романтический образ «досоветской русской культуры как Дома». Другие, как например, В. Аксютин — вслед за Бердяевым, — считали, что Дом был утрачен с церковным расколом XVII века. Михаил Гефтер в те же годы, т.е. еще до крушения СССР, довольно глубоко задавался вопросом: как устроится «русский мир» после окончания СССР, каким может оказаться «дом русских» после того, как исчезнет и противостояние двух систем, и сама конструкция «империи», которая сложилась за пять столетий.

Фраза, произнесенная В. Путиным про «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века», на мой взгляд, ошибочна. Крупнейшей геополитической катастрофой является не распад СССР, а то, что у русских как не было при СССР, так и до, и после — нет Дома. Ельцин и Путин — это два разных образа правления, две стратегии власти, два разных «политических идеализма». Но ни тот, ни другой для русских не представляют собой «дорогу к Дому». Это были две стратегии решения «русского вопроса» как вопроса о власти. Но выяснилось, что власть не приводит к Дому.

Иногда я с удивлением вспоминаю, что 25 лет назад сакраментальный вопрос политики звучал так: «Какая улица ведет к Храму?» (это была фраза из перестроечного фильма «Покаяние»). Она была символом пути из трагического XX века. И вот какой парадокс: в

На пути к дому

Автор: Александр Морозов
31.01.2014 11:27

начале XXI века каждая улица в России уже ведет к храму. Теперь вопрос в том, какая улица ведет к Дому. Или же — дома для русских уже никогда не будет? И вместо «русского дома» тут формируется новый евразийский протоэтнос? Этот протоэтнос и тычется сегодня в темноте своего неуверенного бытования, пытаюсь написать себе «единый учебник истории», создать «гражданскую религию» и, в отдаленной перспективе, стать «гражданской нацией»?

<http://gefter.ru/archive/11145>